

Шопенгауэр Артур

**Эристика или искусство
спорить**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7
ББК 85
А86

А86 **Артур Ш.**
Эристика или искусство спорить / Шопенгауэр Артур – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 66 с.

ISBN 978-5-521-31480-5

ISBN 978-5-521-31480-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

оно направляется почти исключительно на внѣшнюю формальную сторону мышленія. Скованная внѣшнею формой, лишенная самостоятельнаго содержанія, средневѣковая схоластика теряется въ подробностяхъ, немѣющихъ интереса для людей, стоящихъ внѣ ея замкнутого круга.

Отсюда понятна реакція противъ нея новой философіи, заставляющая Декарта выбросить за бортъ, какъ безполезныя, логическія формулы, незыблительныя со временъ Аристотеля, чтобы замѣнить ихъ нѣсколькими простыми и общедоступными правилами. Однако уже Лейбницъ жалуется на то, что пренебреженіе къ формальной логикѣ идетъ слишкомъ далеко и указываетъ на то, что многіе споры не оставались бы столь безплодными, если бы только противники дали себѣ трудъ обратиться въ формальные аргументы.

Несмотря на это, логика, какъ систематическое мышленіе и аргументація, все болѣе вытѣсняется такъ называемой «логикой фактовъ», которая гораздо доступнѣе и привлекательнѣе, такъ какъ почти всегда состоитъ лишь въ болѣе или менѣе искусномъ подборѣ фактовъ, изъ которыхъ каждый выводитъ за-

тѣмъ, что ему вѣдуется; а такъ какъ тоже самое и съ такимъ же правомъ можетъ сдѣлать его противникъ, то споръ и сводится на такую почву, гдѣ доказывать ничего невозможно и гдѣ каждый, если не можетъ рассчитывать на побѣду, по крайней мѣрѣ совершенно застрахованъ отъ пораженія.

Только въ одной сферѣ современной жизни сохранилось еще требованіе болѣе или менѣе строгой логической формы, а именно въ судѣ. Въ сущности каждый процессъ есть силлогизмъ, въ которомъ одна посылка дана закономъ а другая должна содержаться въ обстоятельствахъ дѣла. Задача суда — найти средній терминъ, который обуславливаетъ необходимость заключенія, т. е. приговора или рѣшенія.

Къ сожалѣнію, условія и цѣль судебного краснорѣчія вообще и въ современномъ процессѣ въ особенности превращаютъ обыкновенно діалектику, необходимую для освѣщенія истины, въ софистику, преслѣдующую совершенно постороннія цѣли.

Но если отвлеченныя діалектическія тонкости, занимавшія древнихъ Грековъ, потеряли, повидимому, всякій интересъ въ глазахъ современнаго общества — оно не перестаетъ однако то и дѣло безсознательно подѣ-

зваться ими въ спорахъ. Вотъ почему Эристика Шопенгауэра, представляющая въ сжатой и относительно доступной формѣ нѣкоторые изъ діалектическихъ приемовъ, не лишена и для нашей публики интереса, несмотря на то, что, какъ сочиненіе помертвое, она не вполне отѣлана, содержитъ въ себѣ нѣкоторые повторенія и вообще не носитъ характера той художественной законченности, которыми отличаются другіе труды Шопенгауэра. Но какъ справедливо замѣчаетъ Фрауэнштедтъ «Эристика» имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что она открываетъ сторону человѣческой природы, хотя и не похвальную, но такую, которая играетъ однако немаловажную роль въ духовномъ взаимодействіи людей и которую надо знать, чтобы защищаться противъ нея. Всѣмъ тѣмъ, кого ихъ призванія или общественное положеніе приводитъ въ столкновеніе со стремленіемъ людей казаться правыми во что бы то ни стало (Rechthaberei), полезно будетъ узнать тѣ стереотипныя хитрости и уловки, которыми пользуются это стремленіе и средства для отраженія ихъ.

Манускриптъ Эристики, напечатанной впервые Фрауэнштедтомъ, вскорѣ послѣ смерти Шопенгауэра,

вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими статьями (Aus Arthur Schopenhauer's handschriftlichem Nachlass. Leipzig. Brockhaus 1864) по мнѣнію издателя относится къ 1820 г. Позднѣе, когда Шопенгауэръ, вадумалъ пересмотрѣть эту работу, онъ уже не нашелъ нужнаго настроенія, чтобы довести ее до конца.

Ки. Д. Цертелевъ.

Э Р И С Т И К А.

Логика и діалектика употреблялись уже древними какъ синонимы, хотя λογίζεσθαι *обдумывать, об-суждать, разсчитывать* и διαλέγεσθαι *разговаривать*, вещи весьма различныя.

Это употребленіе словъ *логики* и *діалектики* какъ синонимовъ сохранилось и въ теченіе среднихъ вѣковъ и дошло до нашего времени. Однако въ новыя времена нѣкоторые, особенно Кантъ, часто употребили слово *діалектика* въ дурномъ смыслѣ, какъ «софистическое искусство спора» и потому предпо-читали названіе *логики*, какъ болѣе невинное. Но оба въ сущности означаютъ одно и то же, и въ послѣдніе годы ихъ опять уже стали считать синонимами.

Жаль, что *діалектика* и *логика* издревле употре-блялись какъ синонимы, и потому я не вполне сво-боденъ и не могу раздѣлять, какъ хотѣлось бы, ихъ значеніе и опредѣлять *логику* какъ «науку о зако-нахъ мышленія, т.-е. способахъ дѣйствія разума», (отъ λογίζεσθαι, *обдумывать, разсчитывать*, происходящаго въ свою очередь отъ λόγος, *разумъ*

или *слово*—понятій неразрывно связанных) и *диалектику* (употребляя это слово въ современномъ смыслѣ) какъ «искусство спорить или бесѣдовать» (отъ *διὰ λέγειν*). Но каждая бесѣда состоитъ въ сообщеніи фактовъ или мнѣній, т.-е. бываетъ историческою, или же представляетъ собою обсужденіе чего-либо. Такимъ образомъ очевидно, что логика имѣетъ предметъ данный вполне *a priori*, безо всякой эмпирической примѣси—законы, мышленія, способъ дѣйствія разума—законы которымъ разумъ слѣдуетъ предоставленный самому себѣ, когда ему ничто не мѣшаетъ, слѣдовательно при одинокомъ мышленіи разумнаго существа, которое ничѣмъ не вводится въ заблужденіе. Диалектика, напротивъ того, разсматривала бы совмѣстную дѣятельность двухъ разумныхъ существъ, которыя думаютъ вмѣстѣ, а отсюда непременно слѣдуетъ *споръ*, т.-е. духовная борьба, если только они несогласны между собою, какъ вывѣренные часы. Если чистый разумъ оба индивидуума должны бы быть согласны; ихъ разногласіе зависитъ отъ различій присущихъ индивидуальности, а потому есть элементъ эмпирическій.

Логику, науку мышленья, т.-е. дѣятельности чистаго разума можно бы построить вполне *a priori*; диалектику же большею частью только *a posteriori*, изъ опытнаго познанія тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣваетъ чистое мышленіе, вслѣдствіе различія индивидуальностей при совмѣстномъ мышленіи двухъ разум-

ныхъ существъ, а также тѣхъ средствъ, которыми каждый изъ нихъ пользуется, чтобы выставить свое индивидуальное мышленіе, какъ чистое и объективное. Это потому, что человѣку свойственно при совмѣстномъ мышленіи διαλέγεσθαι; т.-е. какъ только онъ, при обмѣнѣ мнѣній (за исключеніемъ разговоровъ историческихъ), узнаетъ, что мысли другаго различны отъ его собственныхъ о томъ же предметѣ, онъ сначала не провѣряетъ собственнаго мышленія, чтобы найти въ немъ ошибку, а предполагаетъ ее въ мышленіи другаго, т.-е. человѣкъ по природѣ своей хочетъ всегда быть правымъ; тому же, что вытекаетъ изъ этого свойства, учить отрасль науки, которую я хотѣлъ бы назвать діалектикою, но которую, во избѣжаніе недоразумѣній, назову эристическою діалектикою. Она, такимъ образомъ, есть ученіе о стремленіи человѣка всегда казаться правымъ. «Эристика» была бы только болѣе жесткимъ названіемъ того же предмета.

Эристическая діалектика есть искусство спорить, и спорить такъ, чтобы всегда оставаться правымъ, слѣдовательно, per fas et nefas. Въ существѣ дѣла объективно можно быть правымъ, и все-таки въ глазахъ присутствующихъ, а иногда и въ своихъ собственныхъ, остаться неправымъ: это бываетъ тогда, когда противникъ опровергаетъ мое доказательство и это опроверженіе сходитъ за опроверженіе спорнаго положенія, въ пользу котораго могутъ, однако, существовать другія доказательства; въ такихъ слу-

чаяхъ положеніе противника разумѣется обратное: онъ оказывается правымъ, будучи объективно неправъ. Итакъ, объективная *истина* спорнаго положенія и *сила* его въ глазахъ спорящихъ и слушающихъ вещи различныя; эристическая діалектика зиждется на послѣдней.

Еслибы не было зла въ человѣческой природѣ, еслибы мы были вполне честны при всякомъ разнорѣчїи, мы стремились бы только къ тому, чтобы обнаружить истину, не заботясь о томъ, окажется ли она на сторонѣ мнѣнія выставленнаго первоначально нами самими, или же нашимъ противникомъ. Это было бы безразлично для насъ или, по крайней мѣрѣ, имѣло бы совершенно второстепенное значеніе. Теперь наоборотъ это главное. Врожденное тщеславіе особенно чувствительно относительно всего, что касается силъ разсудка и не хочетъ допустить, чтобы то, что мы утверждали первоначально, было ошибочно, а то, что утверждалъ противникъ, вѣрно.

Въ виду этого каждому слѣдовало бы только не судить иначе какъ правильно, а для этого сначала думать, а потомъ говорить. Но къ врожденному тщеславію у большинства присоединяется болтливость и врожденная недобросовѣстность. Они говорятъ неподумавши и хотя бы потомъ и замѣтили, что утвержденіе ихъ ложно и что они неправы; они хотятъ, чтобы казалось наоборотъ. Интересъ къ истинѣ, который въ большинствѣ случаевъ былъ единствен-

нымъ мотивомъ при выставленіи положенія, казавша-
гося истиннымъ, совершенно уступаетъ мѣсто инте-
ресу тщеславія: истинное должно казаться ложнымъ,
а ложное истиннымъ.]

Однако, даже эта недобросовѣстность, упорное
отстаиваніе положенія, которое намъ самимъ уже ка-
жется ложнымъ, имѣеть нѣкоторое оправданіе. А
именно, въ началѣ спора мы нерѣдко бываемъ
очень убѣждены въ истинѣ нашего утвержденія, но
аргументъ противника повидимому совершенно опро-
кидываетъ его; если мы сразу откажемся отъ нашего
утвержденія, намъ часто случается убѣдиться позднѣе,
что мы все-таки были правы: доказательство наше
было ошибочно; но для того же утвержденія могло быть
другое болѣе вѣрное доказательство; спасающій аргу-
ментъ не пришелъ намъ въ голову сразу. Такимъ
образомъ въ насъ складывается правило спорить про-
тивъ возраженій, хотя бы они казались намъ правиль-
ными и убѣдительными въ той увѣренности, что самая
правильность ихъ есть только кажущаяся и что въ
теченіе спора мы нападемъ еще на такой доводъ,
который опровергнетъ его, или на тѣй, который какъ-
нибудь иначе установитъ истину нашего положенія;
благодаря этому, мы, если не вынуждены къ нѣкоторой
недобросовѣстности въ спорѣ, то, по крайней мѣрѣ,
слабо поддаемся ей. Такъ взаимно поддерживаютъ
другъ друга слабость нашего сужденія и извращен-
ность нашей воли. Отсюда происходитъ то, что спо-

рящій обыкновенно сражается не за истину, а за свое положеніе какъ *pro agra et locis*, и ведетъ дѣло *per fas et nefas* и, какъ сказано, не легко можетъ дѣйствовать иначе.

Итакъ, обыкновенно каждый пожелаетъ провести свое утвержденіе, даже тогда, когда оно ему въ данную минуту кажется ошибочнымъ или сомнительнымъ; Макиавелли совѣтуетъ государю пользоваться каждою минутою слабости своего сосѣда, чтобы напасть на него, такъ какъ въ противномъ случаѣ сосѣдъ можетъ воспользоваться минутою его слабости. Еслибы господствовали вѣрность и искренность, было бы другое дѣло, но, въ виду того, что на нихъ нельзя рассчитывать, и самому нельзя руководствоваться ими, такъ какъ за нихъ бываетъ плохая расплата; то же самое и со споромъ: пусть я признаю противника правымъ, какъ только онъ будетъ повидимому правъ, онъ едва ли сдѣлаетъ то же въ обратномъ случаѣ, а напротивъ будетъ вести дѣло *per nefas*: значитъ и я долженъ дѣлать то же.

Легко сказать, что надо стремиться только къ истинѣ, безо всякаго пристрастія къ своему положенію; но нельзя предполагать, чтобъ и другой сдѣлалъ то же, а потому нельзя этого сдѣлать самому. Къ тому же, еслибы я захотѣлъ отказаться отъ моего положенія, которое я однако прежде обдумалъ, какъ только мнѣ показалось, что противникъ мой правъ, то легко можетъ случиться, что введенный